

12) „Магмет же окаанный, слышав восточного бегиларбеа убийство, плакаше о нем много, зело бо любляше его храбрости ради его и разума, и возъярився поиде сам своими враты со всеми силами, а на царя повеле навадити пушки и пищали, боаша бо ся его, яко да не изыдет из града со всеми людми, нападет на них... а на царя посла три тысящи избранных и заповеда им, да улучат царя, аще и до смерти простражутъ, или да ис пищали убьют его“ (457 и 35); 13) „Магмет... рассылаше всю свою рать по всем улицам и по вратом царя бречи, а сам ся оста токмо с янычаны, обрывся во обозе и пушки и пищали уставив, боаше бо ся царя“ (457—458 и 36); 14) по улицам города идет ожесточенная борьба, „сензекбей же посла к салтану, глаголя: аще не сам видиши в град, не одолен будетъ град. Он же возыскание сотвори велие о цари и о царици и бояся в град внити и бысть в размышлении великом“ (458 и 38); 15) царь, жестоко избивая турок, возвратившихся в город, прогнал их обратно к пролому, „Магмет же, видев толкое падение своих и слыша цареву храбрость, тоа нощи не спа“ (456 и 33).

До некоторой степени подчеркивает происхождение этих сведений из турецкого лагеря и то, что турецкие слова (преимущественно, термины) встречаются как раз в большинстве случаев в приведенных местах текста. Видимо, сообщавший употреблял их как не чуждые для него и обычные в речи, которая слышалась в лагере. Остальные сведения, подчас очень детальные, повидимому, исходят от людей, переживших осаду и взятие города, или людей, вскоре после взятия города находившихся в нем. Во всяком случае, в фактической стороне повести мы имеем некоторое основание различать два источника сведений, неоднородных по происхождению: одни из записей делались *вне* города и *до* взятия его, другие — *в* городе и *после* его взятия. Поэтому сказанное в послесловии о процессе записей не возбуждает сомнения. Можно допустить правдивость автора послесловия также и в сообщении его, что сведения о происходившем внутри города во время осады (чего он, находясь, по его словам, во враждебном стане, видеть, разумеется, не мог) он собрал от „достоверных и великих мужей“. В числе пленных, взятых турками во время осады и после нее в городе, могли быть (и были) и лица, занимавшие видное положение среди греков. Это следует из сведений самой повести. Когда сензекбей сообщил султану о необходимости ему самому вступить в город, то Магомет, чтобы прекратить резню в городе, „позва боар и стратиг царевых, иже поимаше на боех и ихже паши взяша на свои руки“, и послал их в город уговаривать от его имени прекратить резню (458 и 38). Доверие к послесловию в этих случаях можно распространить и на другие его сообщения, если не на все. Изображаемый в послесловии автор повести, по словам послесловия, находясь сперва в турецком лагере, затем в городе, вел нечто вроде дневника осады („писах каждый день творимая“), а затем сделал извлечение из своих записок („вкратце изложих“), и так возникла повесть об осаде и взятии Константинополя, объединившая его записи обоих родов. Дает послесловие и биографические, правдивые сами по себе сведения об авторе записок и повести. Из этих сведений вытекает: автор был христианином, но в молодости был обращен в магометанство („измлада взят бив и обрезан“), долгое время участвовал в турецких военных предприятиях („много время пострадах в ратных хождениях“), вел записки о виденном и слышанном во время осады и по взятии Царьграда имел возможность передать свой труд, составленный по этим запискам, христианам, оставаясь